

очевидно, что под художественным руководством И. Горбачева, ныне ставшего еще и директором, кооператива — гражданская и художественная — определяет программу 6. Александринки последние двадцать лет; что об И. Горбачеве, кажется, даже печатно сказаны все слова (а уж устно-то!) — словом, писать вновь обо всем этом, похоже, бессмысленно, хотя сегодня театр бурлит уже и изнутри. С другой стороны, еще одна парадоксальная очевидность: некоторые спектакли Пушкинского театра не хуже некоторых спектаклей других театров. Есть, конечно, и хуже, но, пожалуй, в каждом театре нынче есть спектакли, которые хуже спектаклей других театров...

дения того же самого автора, — говорит другой.

Я понимаю, что имею дело с коллегами, с театральными критиками, но не успеваю отлынуть, как они уже ерзаят в толпе, и слышу шум уличных только слышу, как, прощаясь, они впадают друг другу: «До встречи, Александр Сергеевич». — «Всего хорошего, Николай Гаврилович...».

Я сворачиваю на Невский. Светит солнце. Играть театры. Мартовские «мимодушности» остаются там, в марсе. Наступает апрель.

Марина ДМИТРЕВСКАЯ.

...С другой стороны

Ничего не напишешь сегодня и о Театре комедии. С одной стороны, с Ю. Аксеновым было, на мой взгляд, бесспорно плохо. С другой стороны, теперь, после его ухода, будет, думаю, тяжело плохо, ибо все борющиеся стороны там друг друга стояли. И критику лучше к этой ситуации не приближаться.

О Ленинградском Ленкоме тоже лучше не говорить. Во-первых, при одном воспоминании о том, в каком состоянии оставил театр Г. Вгоров, спазм сострадания сжимает горло. Во-вторых, нужно дать новому главному — В. Гвоздюкову прижаться к театру и начать нормально работать: один, два, три спектакли. В-третьих, «Советская Россия» и «На страже Родины» организовали уже такой развост спектакля «Мастер-Класс», что парализовали всякую возможность спокойно анализировать работу; после их статей хочется забыть про все — и грудью на амбразуру. И знаете, почему искусством так заинтересовалась газета «На страже Родины»? Видимо, в посылку, что она стоит на страже интересов Г. Вгорова, организующего в Ленинграде, изверное, под прикрытием пушек театр Советской Армии. Видимо, в рамках конверсии...

Театр драмы и комедии на Литейном, с одной стороны, играет плохие спектакли, с другой — ждет Г. Тростянского. Ситуация переходная. Молчок. Понимаем расстановку сил.

О Малом драматическом говорить нечего, потому что нет и нет спектаклей, а когда будут премьеры — неизвестно. Как сказала одна моя студентка: очевидно, спектакль перестал быть для этого театра единичной мерой. Все понимаем. Идем.

Театр им. Комиссаржевской, с одной стороны, живет стабильно и ритмично, выпускает много спектаклей. С другой стороны, понимаем: еще несколько лет назад уровень этого театра казался достаточно средним, но за последние сезоны все вокруг так осело, что тот же уровень кажется сегодня почти высоким.

О БДТ... О, БДТ!!!

Сегодня ленинградские театры, если все про них знать, испытывают полный паралич критических высказываний. Своей трудной жизнью они оставляют нас без хлеба, ибо наш хлеб — художественный текст, а его сегодня в Ленинграде не получишь даже по визитке с фотографией.

Нет, не должен критик все понимать. Все знать. И входить во все обстоятельства... Отвернувшись от сводной афиши, я разглядываю толпу и, прислушиваясь к голосам, слышу, что возле меня разговаривают двое приверженцев (их всегда можно отличить) интеллигентного такого вида.

— Кто в критике руководствуется чем бы то ни было, кроме чистой любви к искусству, тот уже не входит в толпу, раскинувшуюся вокруг, — говорят одни.

— Если хочешь быть последовательным, то смотри только исключительно на достоинство произведения и не стесняйся тем, хорошими или дурными находила ты прежде произве-

МИМОДУШНОСТИ

КРИТИК ДОЛЖЕН все понимать. Все знать. И входить во все обстоятельства жизни театра. Только войдя в обстоятельства, критик может пронаести суждения... Так учат нас на конференциях наши режиссеры, так наставляют меня и некоторые мои коллеги. Критик должен знать расстановку сил, быть дипломатом и понимать, что, с одной стороны, — так, а с другой — эдак...

И вот, ныне наставляющим и желая воспользоваться правом и площадью последней «мимодушности», я стою у дворовой ленинградской афиши.

Но что говорить сегодня о Пушкинском театре? С одной стороны, так